

№ 1.
1945

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР 1945

В Ы П У С К
I (XVII)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И. Т. ГОЛЯКОВА

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ СССР
Москва · 1946

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР	3
Постановления Пленума Верховного Суда СССР по отдельным делам . .	5
Определения Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР	9
Определения Судебной Коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР	21

Цена 1 р. 75 к.

Редактор В. П. Усков. Подписано к печати 13/IX 1945 г. Печ. л. 2. Уч.-изд. л. 2,92.
В печ. л. 69136 зн. А 04030. Зак. 944. Тираж 25 000.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при СНК РСФСР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

РУКОВОДЯЩИЕ УКАЗАНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. О порядке разрешения гражданских исков по делам о хищениях продовольственных карточек у частных лиц

Постановление № 1/1/У от 12 января 1945 г.

Ввиду возникшего в судебной практике вопроса о порядке разрешения гражданских исков при рассмотрении уголовных дел о хищениях продовольственных карточек у частных лиц Пленум Верховного суда СССР постановляет дать судам следующее указание:

1. Так как хищение продовольственных карточек у частных лиц не влечет за собою материального ущерба государству, суды при рассмотрении указанных дел должны взыскивать причиненный ущерб не в доход государству, а в пользу потерпевшего частного лица, у которого были похищены карточки, если этим лицом заявлен гражданский иск.

2. Взыскание причиненного ущерба может иметь место в тех случаях, когда карточка была использована полностью или частично осужденным, либо за пропуском срока не может быть отоварена. Во всех этих случаях взыскивается стоимость продуктов, которые потерпевший не мог получить по указанным причинам. Карточка, которая может быть полностью или частично использована потерпевшим, возвращается при этом последнему.

3. Учитывая, что вследствие хищения потерпевший лишается возможности приобрести полагающиеся ему по карточке продукты по государственным ценам, суд, в соответствии со ст. 410 ГК РСФСР и соответствующими статьями ГК других союзных республик, определяет подлежащую взысканию стоимость продуктов по рыночным ценам, а при отсутствии таковых — применительно к Инструкции Наркомторга СССР (приложение № 5 к приказу Наркомторга СССР от 29 января 1943 г. № 50). При этом определяется стоимость тех продуктов, которыми были фактически отоварены карточки в данной местности, согласно справке соответствующих органов, затребованной судом или представленной в суд.

4. В соответствии со ст. 276 УПК РСФСР и соответствующими статьями УПК других союзных республик суд обязан разъяснить потерпевшему его право на предъявление иска, если последний не был ранее заявлен.

2. О судебной практике по делам о возврате жилплощади военнослужащим и возвратившимся из эвакуации членам их семей, а также другим гражданам

Постановление № 1/2/У от 12 января 1945 г.

Изучение судебной практики по жилищным делам о возврате жилплощади военнослужащим и членам их семей, возвращающимся из эвакуации, показывает, что суды при рассмотрении этих дел допускают серьезные нарушения действующих законов.

В целях установления единообразной судебной практики по этим делам Пленум Верховного суда СССР постановляет дать судам следующие указания:

1. Суды неправильно принимают к своему производству иски военнослужащих и членов их семей о выселении лиц, временно вселенных на их жилплощадь, тогда как согласно п. 4 постановления СНК СССР от 5 августа 1941 г. «временные жильцы, поселившиеся на площади военнослужащего, обязаны по возвращении военнослужащего немедленно ее освободить. В противном случае они подлежат выселению в административном порядке».

В административном же порядке должна освобождаться жилплощадь, принадлежащая военнослужащим, и по требованию членов их семей, вернувшихся к месту постоянного жительства.

2. Лица, вселенные на жилплощадь военнослужащих хотя и по ордером местных жилищных органов, прав постоянных съемщиков этой жилплощади не приобретают, проживают на ней временно и в соответствии с постановлением СНК СССР от 5 августа 1941 г. подлежат выселению также в административном порядке, независимо от того, кто вселен на эту жилплощадь.

3. Военнослужащие (и члены их семей) в соответствии с пп. 1 и 4 постановления СНК СССР от 5 августа 1941 г. имеют право требовать выселения в административном порядке со своей жилплощади лиц, временно вселенных на нее, лишь при условии, если эта жилплощадь принадлежала им к моменту призыва в ряды Красной Армии и вселение временных жильцов состоялось после призыва военнослужащего в Красную Армию или после эвакуации членов его семьи по обстоятельствам военного времени в другое место.

4. Жилплощадь по месту постоянного жительства военнослужащих, призванных в Красную Армию в период и по месту эвакуации, подлежит освобождению в административном порядке, если эта жилплощадь занята после призыва в Красную Армию.

Если военнослужащий был призван в Красную Армию в период нахождения его в эвакуации, а принадлежащая ему жилплощадь была заселена по ордеру жилотдела до призыва его в Красную Армию, то эти споры о выселении лиц, проживающих на площади военнослужащих и членов их семей, в этих случаях подлежат разрешению в судебном порядке.

5. Наличие к моменту призыва военнослужащего в Красную Армию задолженности по квартплате не может служить основанием к лишению его и членов его семьи права на принадлежавшую им жилплощадь, если эта площадь, к моменту призыва военнослужащего в Красную Армию, не была заселена.

С момента призыва военнослужащего в Красную Армию за ним и его семьей сохраняется право на эту площадь по постановлению СНК СССР от 5 августа 1941 г.

6. Лица, выехавшие с предприятием на Восток и призванные затем в Красную Армию по месту эвакуации после издания постановления СНК СССР от 16 февраля 1942 г., сохраняют как военнослужащие право на жилплощадь по месту призыва, а не по месту жительства до эвакуации.

Военнослужащие, проживавшие до призыва в Красную Армию в качестве членов семьи рабочего или служащего и вместе с последними эвакуированные с предприятием на Восток, сохраняют за собой право на занимаемую до призыва в армию жилплощадь только в том случае, если они были призваны в Красную Армию до издания постановления СНК СССР от 16 февраля 1942 года.

7. При вынесении решений о выселении лиц, вселенных на жилплощадь эвакуированных или военнослужащих, суды могут обязывать жилищные органы предоставлять выселяемым другую жилплощадь лишь в том случае, если вселенный ранее имел жилплощадь в своем пользовании, возврат которой невозможен вследствие разрушения здания и пр., а также в случае выселения военнослужащих и членов их семей, и в других исключительных случаях.

Если при вынесении решений о выселении этих лиц суд признает необходимым возложить на жилищные органы или на администрацию учреждений, предприятий и организаций обязанность предоставить выселяемым другую жилплощадь, то суд должен в этих случаях определить в решении срок, в течение которого должна быть предоставлена выселяемому жилплощадь и в соответствии с п. 7 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. указать, что при непредоставлении помещения в установленный срок решение суда о выселении ответчика подлежит исполнению независимо от предоставления ему другой жилплощади.

8. В тех случаях, когда жилая площадь съемщика была уничтожена вследствие разрушения дома от военных действий или налетов вражеской

эвакуации и этот дом впоследствии был восстановлен, то съемщик не вправе требовать предоставления ему жилплощади в восстановленном доме.

Если же жилая площадь съемщика была разрушена незначительно и для приведения ее в пригодное для жилья состояние потребовался текущий или капитальный ремонт, то съемщик жилплощади вправе требовать предоставления ему ранее занимаемой жилплощади в этом доме, если он не потерял права на эту жилплощадь по каким-либо другим основаниям.

9. Лицам, проживавшим ранее в ведомственных домах, где ими была получена жилплощадь в связи с работой, жилплощадь подлежит возврату лишь в том случае, если трудовая связь с данным предприятием или учреждением не прекращена и в силу ст. 31 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. они прав на свою жилплощадь не потеряли.

Члены семей военнослужащих, проживавшие совместно с военнослужащими в ведомственном доме, имеют право на возвращение жилплощади в административном порядке.

10. Лица, проживавшие до своей эвакуации в ведомственных домах, при возвращении из эвакуации и установлении факта изъятия своей жилплощади, вправе обратиться в суд с заявлением о возвращении им таковой.

Администрация учреждений, предприятий и организаций может в случае отсутствия трудовой связи эвакуированных с предприятием или учреждением, если эти эвакуированные не потеряли прав на свою жилплощадь, предъявить в народном суде встречный иск о выселении с обязательством предоставить им другую конкретно указанную годную для жилья площадь в порядке ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г.

11. Требования о возвращении жилплощади ограничиваются в соответствии со ст. 34 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. шестимесячным сроком с момента возвращения из эвакуации эвакуированных или членов их семей (если это не семья военнослужащего).

12. При рассмотрении жилищных споров, связанных с применением пункта 4 постановления ГОКО от 30 мая 1944 г. «О мероприятиях по жилищному хозяйству города Москвы» и аналогичных правительственных постановлений по другим городам, суды должны требовать представления к делу справок от райсоветов о том, что строение, из которого переселен ответчик, было разрушено или разобрано по обстоятельствам военного времени, а не по ветхости и другим причинам.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО ОТДЕЛЬНЫМ ДЕЛАМ

1. Обмен закупленных предметов на другие предметы потребления с целью наживы должен квалифицироваться как спекуляция. Использование доверенности государственного учреждения или общественной организации на покупку по госценам для последних промтоваров и перепродажа им этих же товаров по повышенным ценам содержит в себе состав спекуляции и мошенничества

Дело Славко и Степанова. Постановление от 12 января 1945 года.

(Извлечение)

По приговору народного суда 4-го участка Ленинского района Московской области от 20 марта 1944 г. Славко был осужден по ст. 107 УК РСФСР к 7 годам лишения свободы, без поражения в правах, и Степанов — по ст. 19—107 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы, без поражения в правах, с конфискацией у обоих осужденных части принадлежащего им имущества. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Мособлсуда от 6 апреля 1944 г. приговор оставлен в силе.

Славко и Степанов признаны виновными в том, что по договоренности между собой они в течение августа и сентября 1943 г. скупали в г. Москве в большом количестве писчую бумагу и мешковину и возили в Серебряно-Прудский район, где с целью наживы обменивали на хлеб. Славко и Степанов за 806 листов бумаги приобрели 103 кг пшеницы. Кроме того, они признаны виновными также в том, что, закупив на складе Областной конторы Сельхозснабжения Наркомзема СССР по договоренности колхозов по государственной цене сельскохозяйственный инвентарь, они обменяли последний в колхозах на рожь и пшеницу, получив за это 694 кг хлеба. При обыске у Славко было обнаружено и изъято 52 кг писчей бумаги, 47 мешков из белого полотна, 30 кг гвоздей и 6 кг шерсти; у Степанова было обнаружено и изъято 10 кг писчей бумаги и 208 кг хлеба. Отметив в приговоре, что Славко и Степанов приобрели таким путем 797 кг хлеба, суд вместе с тем указал, что Славко при посредничестве жены продал 2 пуда муки по 1600 р. за пуд.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 9 декабря 1944 г., вынесенным по протесту Прокурора СССР, действия Славко и Степанова были переквалифицированы на ч. 1 ст. 105 УК РСФСР и наказание им определено в один год исправтудрабoт с соответствующим зачетом времени, отбытого под стражей. Коллегия при этом указала, что закупленную бумагу Славко и Степанов обменяли на хлеб, причем в деле отсутствуют данные о том, что они хлеб перепродавали по повышенным ценам; объяснение же осужденных, что они хлеб приобрели для потребностей семьи, по делу не опровергнуто. Хотя по делу и установлено, что жена Славко продала два пуда муки, однако, эта продажа не может быть поставлена в вину Славко, так как мука была продана без его ведома. Коллегия также указала, что сельскохозяйственный инвентарь Степанов приобрел по поручению правлений колхозов и передал этот инвентарь колхозам, которые за полученный инвентарь расплачивались хлебом. Эти действия неправильно расценены судом как спекуляция. Находя вместе с тем, что покупка Славко и Степановым 806 листов писчей бумаги без соответствующих нарядов является нарушением правил торговли, Судебная коллегия нашла в этих действиях признаки ч. 1 ст. 105 УК РСФСР.

Определение Коллегии подлежит отмене по следующим основаниям:

1) Признав, что покупка писчей бумаги без соответствующих нарядов является нарушением правил советской торговли, Коллегия не указала, в чем именно заключается это нарушение. Между тем из содержания ст. 105 УК РСФСР видно, что она преследует не за нарушения правил покупки, а за нарушение правил торговли; поэтому покупка каких-либо предметов, продажа которых обусловлена известными правилами, если по делу установлено, что эта покупка произведена с нарушением этих правил, может повлечь за собой ответственность по ст. 105 УК РСФСР в первую очередь лиц, продавших эти предметы с нарушением установленных правил; лица же, приобретшие эти предметы, могут быть привлечены лишь как соучастники по указанной статье УК. В данном же случае Коллегия признала Славко и Степанова в качестве исполнителей преступления и совершенно обошла вопрос о лицах, продавших бумагу с нарушением установленных правил. Таким образом Коллегия в этой части неправильно применила ст. 105 УК РСФСР.

2) Независимо от указанного, Коллегия неосновательно отказалась в данном случае от применения ст. 107 УК РСФСР. Коллегия выдвинула общее положение о том, что покупка предметов с целью обмена их на другие предметы не может квалифицироваться как спекуляция. Это положение является неправильным. Если по делу установлено, что обмен закупленных предметов на другие предметы потребления преследовал цель наживы, эти действия равным образом дают основание квалифицировать их как спекуляцию. В данном же конкретном случае количество и ассортимент приобретенных осужденными товаров давал основание прийти к выводу, что они были приобретены для последующей перепродажи и обмена с целью наживы, что, в частности, подтверждается и количеством обнаруженного у обвиняемых хлеба, приобретенного в обмен на закупленную бумагу.

3) Равным образом следует признать неправильным утверждение Коллегии о том, что поскольку сельскохозяйственный инвентарь был приобретен осужденными для колхозов по их доверенности и колхозы расплатились за этот инвентарь хлебом, в действиях осужденных отсутствует состав спекуляции. Из материалов дела видно, что, использовав доверенности колхозов, предоставившие осужденным возможность приобретения сельскохозяйственного инвентаря в государственном учреждении по государственным ценам, осужденные затем перепродали этот же инвентарь колхозам по повышенным ценам в обмен на хлеб, получив таким образом значительную прибыль. При таких условиях следует признать, что самый факт приобретения указанного инвентаря по доверенности колхозов не только не устраняет виновность их в спекуляции, поскольку они продали закупленный ими инвентарь со значительной прибылью, но что действия их в данном случаеотягощены еще наличием мошенничества, так как извлечение ими прибыли сопровождалось, как обманом колхозов, так и обманом того государственного учреждения, где они по доверенности колхозов приобрели этот инвентарь. Поэтому по данному эпизоду имелись все основания применить к Славко и Степанову не только ст. 107, но и ч. 2 ст. 169 УК РСФСР.

2. При определении наказания по совокупности преступлений по двум приговорам, суд, определяя поглотить неотбытую часть наказания по первому приговору, назначает все же по второму приговору наказание по совокупности с учетом повышенной общественной опасности осужденного; поэтому в случае отмены в надзорном порядке первого приговора с прекращением дела может быть поставлен на обсуждение вопрос о снижении наказания по второму приговору

Дело Лиховида. Постановление от 12 января 1945 г.

По приговору линейного суда Орджоникидзеvской ж. д. от 21 ноября 1941 г. быв. начальник ст. Железноводск Лиховид был осужден по ст. 109 и ч. 1 ст. 116 УК РСФСР по совокупности к 8 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях, с поражением в правах на 3 года. Этим же приговором было поглощено наказание по приговору того же суда от 18 ноября 1941 г., по которому Лиховид был осужден по ч. 1 ст. 58¹⁰ УК РСФСР к 7 годам лишения свободы; при новом рассмотрении этого дела 16 апреля 1942 г., вследствие отмены приговора от 18 ноября 1941 г., Лиховид был по ч. 1 ст. 58¹⁰ УК РСФСР оправдан. Определением Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР от 6 января 1942 г. приговор от 21 ноября 1941 г. был оставлен в силе.

Лиховид признан виновным в том, что, будучи начальником ст. Железноводск, он в 1940 и 1941 гг. совершил ряд злоупотреблений по службе, а именно: присвоил и растратил из кассовой выручки станции 1302 р. 52 к., не внес в кассу станции собранные с рабочих и служащих деньги за уголь в сумме 1302 р. 10 к.; присвоил 25 руб. по счету гр-на Мерез; злоупотребляя своим служебным положением, без ведома пассажирской службы управления дороги передал стройконторе г. Железноводска железные решетки на сумму 3252 руб., получив от стройконторы обязательство заасфальтировать привокзальную площадь; предоставил во внеплановом порядке стройконторе 25 вагонов, Челябинторгу—2 вагона и Кавминрозлину—1 вагон; принял от начальника ст. Бештау 1 платформу без документов на груз и не взыскал с клиента 390 руб. разных сборов; представил в управление дороги ведомость на получение премиальных денег, занизив в ней показатели простоя вагонов.

Суд правильно квалифицировал действия Лиховида, однако, при назначении наказания не учел ряд смягчающих вину обстоятельств: присвоенные Лиховидом деньги в сумме 1302 р. 52 к. он после ревизии внес в кассу станции; ряд злоупотреблений, допущенных Лиховидом, не были вызваны корыстными соображениями и, совершая эти действия, Лиховид главным образом руководствовался интересами благоустройства станции. К тому же,

определяя Лиховиду наказание по совокупности, суд учел повышенную общественную опасность Лиховида, имея в виду приговор от 18 ноября 1941 г., тогда как этот приговор был впоследствии отменен и по обвинению в антисоветской агитации Лиховид был впоследствии оправдан.

Ввиду всего изложенного, Пленум Верховного суда СССР постановляет: снизить наказание Лиховиду до трех лет и шести месяцев лишения свободы в исправтрудлагерях, без поражения в правах, с зачетом времени, отбытого под стражей, исключив из приговора ссылку на поглощение им приговора от 18 ноября 1941 г.

3. Неосновательный отказ в выселении из квартиры, принадлежащей семье военнослужащего

Дело Солодовниковой. Постановление Пленума от 12 января 1945 г.

Гр. Солодовникова проживала в Москве, занимая квартиру в две комнаты размером 40 кв. метров.

В октябре 1941 г. Солодовникова из Москвы эвакуировалась вместе со своим учреждением в г. Омск. Вместе с Солодовниковой из Москвы выехал и ее сын, который, находясь в эвакуации, был призван в августе 1942 г. в ряды Красной Армии, где он находится и в настоящее время.

В отсутствие Солодовниковой принадлежащая ей жилплощадь была в сентябре 1942 г. передана по ордеру Мосжилотдела гр. Виноградову.

В декабре 1942 г. Солодовникова по вызову своего учреждения возвратилась в Москву и обратилась в народный суд с иском о выселении Виноградова. Мосжилотдел предъявил встречный иск о лишении Солодовниковой права на жилплощадь.

Народный суд 3-го участка Коминтерновского района г. Москвы решением от 25 октября 1943 г. отказал в иске Солодовниковой о выселении Виноградова и удовлетворил встречный иск Мосжилотдела, признав, что Солодовникова утратила право на спорную жилплощадь в силу п. «в» ст. 30 Постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Московского Городского суда от 19 ноября 1943 г. решение нарсуда было оставлено в силе.

По протесту Председателя Верховного суда РСФСР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определением от 8 января 1944 г. решение нарсуда и определение Мосгорсуда отменила и дело передала на новое рассмотрение по тем основаниям, что к моменту призыва сына истицы в Красную Армию судебного решения об изъятии жилплощади у Солодовниковой не было, вследствие чего на нее распространяется постановление Пленума Верховного суда СССР от 23 июня 1941 г.

14 марта 1944 г. народный суд 1-го участка Коминтерновского района г. Москвы вторично отказал в иске Солодовниковой и удовлетворил встречный иск Мосжилотдела. Это решение оставлено в силе определением Мосгорсуда от 5 апреля 1944 г.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев дело по протесту Председателя Верховного суда РСФСР, определением от 13 июля 1944 г. решение нарсуда от 14 марта 1944 г. и определение Мосгорсуда от 5 апреля 1944 г. отменила и дело передала на новое рассмотрение за нарушением нарсудом ст. 248 ГПК РСФСР и постановления СНК СССР от 5 августа 1941 г.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определением от 21 сентября 1944 г. определение Верховного суда РСФСР от 13 июля 1944 г. отменила и оставила в силе решение нарсуда от 14 марта 1944 г. и определение Мосгорсуда от 5 апреля 1944 г. с указанием, что поскольку к моменту призыва сына в армию Солодовникова уже имела задолженность по квартплате свыше трех месяцев, вследствие чего она еще до призыва сына утратила в соответствии с п. «в» ст. 30 Постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября

1937 г. право на занимаемую ею жилплощадь в Москве, нет оснований для применения по настоящему делу постановления СНК СССР от 5 августа 1941 года.

Все состоявшиеся по делу решения и определения подлежат отмене по следующим основаниям:

Материалами дела устанавливается, что сын истицы, совместно с ней проживавший на спорной жилплощади, находится в рядах Красной Армии и в силу постановления СНК СССР от 5 августа 1941 года за Солодовниковой сохраняется право на эту жилплощадь на все время войны.

Указание Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР о том, что истица утратила право на спорную жилплощадь вследствие неплатежа квартплаты еще до призыва ее сына в ряды Красной Армии, является неправильным.

Из дела видно, что сын истицы был призван в Красную Армию в августе 1942 года. Ордер же на спорную жилплощадь был выдан гр. Виноградову лишь в сентябре 1942 года. Таким образом, по делу установлено, что к моменту призыва в армию сына принадлежащая истице жилплощадь в установленном законом порядке заселена не была и при этих условиях наличие у нее задолженности по квартплате не может служить основанием для отказа ей в иске о возврате жилплощади.

Дело это, в соответствии с постановлением СНК СССР от 5 августа 1941 г., должно было быть в судебном порядке прекращено и разрешено в административном порядке, но, принимая во внимание, что рассмотрение этого дела в суде затянулось и необходимо окончательно разрешить его в судебном порядке, Пленум Верховного суда СССР постановляет:

все решения и определения, вынесенные по настоящему делу, отменить и дело передать на новое рассмотрение в Верховный суд РСФСР по первой инстанции.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. Моментом окончания длящегося преступления является момент задержания или явки с повинной преступника. С этого именно момента по этого рода преступлениям начинается течение давностных сроков, указанных в ст. 14 УК РСФСР.

Дело Франтасьева. Определение от 7 октября 1944 г.
(Извлечение)

Франтасьев обвинялся по делу, по которому Свердловским городским судом вынесен оправдательный приговор, в том, что, отбывая наказание по приговору Ленинградского облсуда от 28 января 1933 г. в Синявинской ИТК НКВД, 25 мая 1933 г. совершил побег.

Суд, признавая факт побега доказанным, в качестве мотива оправдания указывает, что Франтасьев совершил побег свыше 11 лет назад, что, находясь в бегах, все время занимался общественно-полезным трудом, в 1942 г. был призван в Красную Армию, будучи на фронте Отечественной войны получил инвалидность и что поэтому в силу ст. 14 УК он подлежит освобождению от наказания за побег.

Приговор свердловского городского суда является неправильным. Мотивы, выдвинутые судом, не могли служить основанием для вынесения Франтасьеву оправдательного приговора.

Статья 14 УК неправильно применена к Франтасьеву, так как побег является длящимся преступлением и поэтому моментом окончания преступления следует считать не момент самого побега, а момент задержания или явки с повинной, поскольку преступное состояние в бегах продолжается до этого момента. Франтасьев был задержан 29 февраля 1944 г. и поэтому течение сроков, указанных в ст. 14 УК, должно считаться с этого числа, а не с момента совершения побега.

С 29 же февраля 1944 г. не прошло еще указанного в ст. 14 УК срока, исключаяющего уголовное преследование. Что же касается того, что в течение 11 лет Франтасьев занимался общественно-полезным трудом и в настоящее время является инвалидом Отечественной войны, то эти обстоятельства, при отсутствии оснований для оправдательного приговора, указанных в п/п «а» и «б» п. 3 ст. 326 УПК РСФСР, могли служить поводом не для оправдательного приговора, а для освобождения от наказания на основании п. 2 ст. 326 УПК РСФСР, в силу ст. 8 УК РСФСР.

2. Оказание тех или иных услуг исполнителю преступления после совершения последнего, хотя и имевших косвенное отношение к преступлению, но не выразившихся в сокрытии преступника или следов преступления, не может рассматриваться как пособничество в преступлении

Дело Зейналова. Осужден народным судом Маштагинского района г. Баку, по ст. 17 и ч. 2 ст. 179 УК АзССР (причинение телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего). Определение от 4 октября 1944 г.

Зейналов признан виновным в том, что он являлся соучастником убийства Абасова Дамир, совершенного Гасановым Музафир 5 сентября 1943 г.

Обстоятельства этого убийства, как их признал установленными суд, заключаются в следующем: Зейналов Ага Салим совместно с осужденным по настоящему делу Гасановым Музафаром и другими своими знакомыми 5 сентября 1943 г. в доме Абасова Марсакул выпили вина. Вечером после выпивки все они вышли из дома Абасова и направились к дому Зейналова. В пути следования Гасанов Музафар ударил ножом шедшего с ним рядом Абасова Дамира. Зейналов взял Гасанова к себе домой, дал ему возможность умыться и уйти домой, при этом дал ему свою рубашку, чем содействовал в преступлении Гасанова. Абасов Дамир 7 сентября 1943 г. умер.

Из дела видно, что при выходе из дома Абасова Марсакул вся компания в количестве 6 человек направилась к морю, причем Гасанов Музафар и Абасов Дамир отстали метров на 200 от всех остальных. Идущие впереди услышали крик и увидели, что Гасанов и Абасов Дамир дерутся, Абасов был ранен, а Гасанов был испачкан в крови. Поскольку все это произошло недалеко от дома Зейналова Ага Салим, то пьяного Гасанова привели во двор Зейналова, дали ему умыться.

Рубашку Гасанов снял сам с веревки, где она просушивалась после стирки. Никаких данных, подтверждающих вывод суда о том, что Зейналов является соучастником Гасанова и старался скрыть его, в деле нет.

Считая обвинение Зейналова необоснованным, Судебная коллегия определила: Приговор нарсуда Маштагинского района г. Баку и определение Верховного суда АзССР в отношении Зейналова отменить и дело о нем на основании ст. 4 п. 5 УПК АзССР в уголовном порядке производством прекратить.

3. Воспрещение занимать те или иные государственные должности, как один из видов поражения в правах, не может быть соединено с условным осуждением

Дело Дерюгиной. Определение от 14 октября 1944 г.

Дерюгина осуждена за служебные злоупотребления по должности продавщицы палатки № 196 «Мосминвод», выразившиеся в неправильном отпуске покупателям пива. Осудив Дерюгину по ст. 109 УК РСФСР на два года лишения свободы, народный суд применил к ней ст. 53 УК РСФСР и определил это наказание считать условным, установив испытательный срок три года. Вместе с тем на основании ст. 31 п. «д» УК РСФСР нарсуд воспретил Дерюгиной в течение пяти лет работать в торговой сети материально ответственным лицом.

Однако согласно ст. 34 УК РСФСР поражение прав не может быть сое-

динено с условным осуждением и, назначив таковое, нарсуд допустил грубое нарушение ст. 34 УК РСФСР.

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда 23 мая 1944 г. оставила приговор народного суда в силе, не исправив упомянутого грубого нарушения закона.

Кроме того, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР считает необходимым сократить испытательный срок условного осуждения Дерюгиной, определенный народным судом в 3 года.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

исключить из приговора нарсуда 2-го уч. Краснопресненского района г. Москвы по делу Дерюгиной запрещение ей в течение пяти лет работать в торговой сети и сократить испытательный срок условного осуждения до одного года.

4. При самоуправстве субъект преступления должен сознавать, что действительное или предполагаемое право осуществляется им самовольно.

Дело Парфенова. Осужден народным судом Малинского района Московской области по ст. 90 УК РСФСР. Определение от 2 декабря 1944 г.

Парфенов признан виновным в том, что он весной 1944 г., не взирая на предупреждения председателя колхоза, самовольно вскопал под огород весь усадебный участок, находившийся возле его собственного дома в д. Орехово, в то время как этот земельный участок находился в пользовании члена колхоза Грубова и в 1943 г. Парфенов пользовался в нем лишь 0,04 га, а остальной частью пользовался Грубов. Настоящее дело возникло при следующих обстоятельствах: Парфенов, проживая и работая в Москве, имел собственный дом в деревне Орехово, в которой он ранее проживал. Находящийся при этом доме участок в размере 0,2 га, согласно справок, выданных председателем правления колхоза «Красная роза» и его показанию в суде, был в июле 1939 г. отрезан как излишек и числился в составе свободных земель колхоза. В 1942 г. им пользовалась одна из колхозниц. В 1943 г., по показаниям председателя правления колхоза Лещенко, правление колхоза постановило передать его члену колхоза Грубову. Как видно из показаний Парфенова и Грубова фактически его разработали под огород оба — Парфенов в размере 0,04 га, а Грубов в остальной части. Весной 1944 г. Парфенов вновь поставил вопрос об отводе ему этого участка под огород. Малинский райвоенкомат поддержал его ходатайство как отца фронтовиков: Зав. Малинским Райзо предложил 29 апреля 1944 г. предколхоза «Красная Роза» выделить Парфеновым усадебный участок в размере до 0,1 га, в непосредственной близости к их дому. Как показал Парфенов в судебном заседании председатель правления колхоза разрешил ему вскопать приусадебный участок у его дома. Отдел по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих при Малинском райисполкоме, проверявший по поручению Московского областного отдела жалобу Парфенова, сообщает, что когда Парфеновы стали в 1944 г. обрабатывать данный участок, то предколхоза отвел Грубову другой участок в 0,4 га, о чем он в своих справках не сообщил. В этой обстановке и возник конфликт между Парфеновыми и Грубовыми, когда те и другие в один и тот же день 30 апреля 1944 г. стали обрабатывать данный участок.

Необходимо признать, что при этих условиях не было достаточных оснований для того, чтобы считать действия Парфенова уголовно-наказуемым самоуправством, так как он мог считать, что Грубову отведен другой участок и данный участок не находится в его пользовании.

Что касается самого спора о праве пользования данным усадебным участком, то этот вопрос подлжит разрешению не судебных органов, а земельных органов. Поэтому необходимо отметить, что когда после вынесения данного приговора нарсуд 11 августа 1944 г. рассматривал иск Грубова к Парфенову об изъятии данного земельного участка, то он разрешал неподсудное суду дело.

Ввиду изложенного Судебная коллегия Верховного суда СССР определила: Приговор нарсуда Малинского района и определение Московского областного суда отменить и дело в отношении Парфенова в уголовном порядке производством прекратить.

5. Субъектами получения взятки могут быть только должностные лица

Дело Воронцова и других. Осуждены народным судом 5-го уч. Ворошиловского района г. Воронежа по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР. Определение от 16 декабря 1944 года.

В протесте председателя Верховного суда СССР по данному делу указано следующее: осужденные признаны виновными в том, что, являясь рабочими-мясорубами рыночного управления в г. Воронеже, они за услуги, оказываемые ими колхозникам в разрубке привозимого ими на рынок мяса, получали с колхозников в ряде случаев деньги и мясо.

Как видно из самого приговора, суд неосновательно применил к осужденным ст. 117 ч. 2 УК РСФСР, поскольку субъектами получения взятки могут быть только должностные лица, каковыми все осужденные, рабочие-мясорубы, не являлись. При указанных условиях следует признать, что в действиях осужденных отсутствует состав ст. 117 ч. 2 УК РСФСР и что за эти действия они могли лишь нести ответственность в дисциплинарном порядке.

Коллегия, согласившись с протестом, отменила приговор и прекратила дело.

6. Сельские советы могут проводить мобилизацию на сельскохозяйственные работы только на основании соответствующих постановлений вышестоящих уполномоченных органов

Дело Барсуковой. Осуждена нарсудом Егорьевского района Московской области по Указу от 13 февраля 1942 года. Определение от 11 ноября 1944 г.

Барсукова признана виновной в том, что она уклонялась от сельскохозяйственных работ в колхозе, к которому она была привлечена Анохинским сельсоветом: получив извещение сельсовета о явке на работы к 21 июня 1944 г., она на работу не вышла и в дальнейшем отказывалась от нарядов, которые ей вручала бригадир колхоза Мамонова.

Московский областной суд переквалифицировал преступление Барсуковой на Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1942 г. Приговор суда подлежит отмене по следующим основаниям: Московский областной суд прошел мимо такого факта, как разноречивое указание даты рассмотрения дела: в протоколе судебного заседания дата рассмотрения дела указана 10 августа 1944 г., а приговор вынесен 9 августа 1944 г. Областной суд не дал надлежащего ответа на указание в протесте прокурора района на необходимость проверки законности привлечения Барсуковой к сельскохозяйственным работам по мобилизации. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г., мобилизация на сельскохозяйственные работы проводится по постановлению совнаркомов союзных и автономных республик, крайисполкомов, облисполкомов — местными, городскими, районными, поселковыми и сельскими советами. Нарсуду необходимо было выяснить, было ли издано постановление Мособлсполкома о проведении мобилизации на сельскохозяйственные работы трудоспособного населения Егорьевского района в 1944 г. и в связи с этим решить вопрос о законности привлечения Барсуковой к сельскохозяйственным работам.

По изложенным основаниям, считая дело недостаточно исследованным, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 4-го участка Егорьевского района и определение Московского областного суда отменить и дело по обвинению Барсуковой направить на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе со стадии судебного следствия.

7. Прибытие в режимную местность лица, лишенного права на проживание в последнем, с целью восстановить у местных органов власти свое право на проживание в данной местности, не может рассматриваться, как незаконное проживание

Дело Н. Осуждена народным судом 1 участка Тимирязевского района г. Москвы по ч. 2 ст. 192-а УК РСФСР. Определение от 21 октября 1944 г.

Н. признана виновной в том, что, проживая без прописки в г. Москве с 29 декабря 1943 г. и получив предупреждение 20 января 1944 г. от органов милиции о выезде из Москвы в течение 24 часов, она подписку нарушила и из Москвы не выехала.

Из материалов дела видно, что Н. с места своего прежнего жительства в Казахской ССР выехала в Москву с малолетним ребенком к своему отцу.

По приезде в Москву Н. обратилась с просьбой в милицию о прописке ее на квартире отца, в чем ей было отказано и предложено выехать из Москвы в 24 часа. Н. требование милиции выполнила и пыталась поступить на работу в подсобное хозяйство одного из институтов в Угодско-Заводском районе Московской области, где милицией было ей отказано в прописке и предложено выехать в Москву за разрешением о прописке. Явившись 20 февраля 1944 г. в г. Москву к начальнику 16-го отделения милиции с просьбой о прописке, она была арестована и против нее возбуждено преследование по ст. 192-а ч. 2 УК РСФСР. Считая, что при указанных условиях Н. был неправильно вынесен обвинительный приговор, председатель Верховного суда РСФСР ставил в своем протесте в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР вопрос об отмене состоявшихся судебных решений и прекращении дела производством.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР протест был отклонен по тем мотивам, что, как видно из дела, Н. в декабре 1943 г. было отказано в прописке в Москве и предложено выехать из Москвы, однако, Н. до 28 февраля 1944 г., т. е. до момента ареста, из Москвы не выезжала.

Указанное определение явно не соответствует обстоятельствам дела. Из материалов дела видно, что отказ Н. в прописке имел место не в декабре 1943 г., а в январе 1944 года. По делу совершенно точно установлено, что, получив предупреждение 20 января 1944 г., Н. из Москвы выехала, как это явствует из приложенного к делу официального рапорта уполномоченного 16-го отделения милиции Сидорова от 24 января 1944 г. на имя начальника указанного отделения милиции.

Факт выезда ее из Москвы в Угодско-Заводской район подтверждается приложенной к жалобе в Верховный суд РСФСР справкой директора подсобного хозяйства от 27 февраля 1944 г., из которой видно, что Н. в январе обращалась с просьбой о приеме ее на работу в подсобное хозяйство, но ей было отказано ввиду отказа в прописке.

Таким образом, мотивы, изложенные в определении Верховного суда РСФСР в обоснование решения, находятся в резком противоречии с материалами дела.

Из дела видно, что, вернувшись в Москву, Н. тотчас же обратилась в милицию с просьбой о прописке. Это вытекает из того, что справка района, как указано выше, датирована 27 февраля 1944 г., а обращение в милицию имело место 28 февраля.

При таких данных обвинение Н. является необоснованным.

Ввиду изложенного, Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Приговор народного суда 4-го участка Тимирязевского района г. Москвы и последующие определения Мосгорсуда и Верховного суда РСФСР в отношении Н. отменить и дело на основании п. 5 ст. 4 УПК РСФСР в уголовном порядке производством прекратить.

8. В тех случаях, когда народный судья находился в суде при исполнении своих служебных обязанностей, его функции не могут быть возложены на народного заседателя

Дело Старосельской. Осуждена народным судом Меркенского района Джамбулской области по Указу от 15 апреля 1942 г. Определение от 11 ноября 1944 г.

Старосельская признана виновной в том, что 16 июля 1943 г., получив извещение сельсовета о явке 17 июля 1943 г. на сельскохозяйственные работы в колхоз, на работу 17 июня не вышла.

Приговор суда подлежит отмене по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что в судебном заседании председательствовал народный заседатель в то время, когда народный судья находился при исполнении своих служебных обязанностей. В соответствии со ст. 19 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик народный судья может быть заменен одним из народных заседателей по утверждению районного совета депутатов трудящихся в случае временного отсутствия судьи (болезнь, отпуск и т. д.). Поскольку народный судья в данном случае находился при исполнении своих судебных обязанностей, а не отсутствовал, возложение обязанностей председательствующего в судебном заседании на народного заседателя было незаконно. Вследствие этого приговор в силу ст. 45 УПК РСФСР подлежит безусловной отмене.

В приговоре указано, что подсудимая полностью признала себя виновной, в то время когда в протоколе судебного заседания изложены показания обвиняемой, заявившей, что она не понимает, почему ее вызвали в суд, так как она извещение сельсовета получила 17 июля вечером и с утра следующего дня вышла на работу. Таким образом, приговор суда не обоснован и по существу. Если бы Старосельская даже, как считал установленным суд, получила 16 июля 1943 г. повестку о явке на работу, не вышла на работу на другой день, то одного этого обстоятельства еще недостаточно для того, чтобы сделать вывод об уклонении ее от мобилизации.

По изложенным основаниям и считая нецелесообразным направление дела на новое рассмотрение, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда Меркенского района отменить и дело по обвинению Старосельской производством прекратить за недоказанностью обвинения.

9. Заявления подсудимого в последнем слове не могут рассматриваться как доказательство по делу и могут лишь служить поводом для возобновления судебного следствия. Должностное лицо, совершающее действия, которым оно обязано противодействовать в силу своего служебного положения, отвечает за эти действия, как за злоупотребление служебным положением

Дело Мушанникова. Осужден народным судом Ново-Минского района Краснодарского края по ст. 109 УК РСФСР. Определение от 7 октября 1944 г.

Мушанников признан виновным в том, что он, состоя в должности зав. райздравотделом, совершал служебные злоупотребления, выразившиеся в присвоении из аптечных фондов стрептоцида и сульфидина и использовании этих лекарств для платного лечения венерических больных, которым он занимался наряду со своей служебной деятельностью.

Суд считает доказанным, что в июле 1943 г. Мушанников не сдал зав. аптекой Широкоянец и присвоил 100 гр стрептоцида и 100 гр сульфидина, которые он в числе других лекарств получил по заказу аптеки в Краснодарском аптекоуправлении. В августе 1943 г., когда Широкоянец отказалась вновь дать ему доверенность на получение лекарств, Мушанников тем не менее получил в Аптекоуправлении ряд лекарств в том числе 1 000 гр стрептоцида и 250 гр сульфидина из бесплатного фонда Райздравотдела и 500 гр стреп-

тоцида и 300 гр сульфидина из платного фонда. Из этих лекарств он присвоил 500 гр стрептоцида и 170 гр сульфидина. Для того чтобы скрыть это присвоение, он представил акт от 12 августа 1943 г. о том, что в пути эти лекарства были подмочены дождем и рассыпались. Акт этот подписан одним должностным лицом Мартыновым, получившим от Мушанникова в знак благодарности за это 50 гр сульфидина. В итоге суд считает установленным, что Мушанников присвоил 600 гр стрептоцида и 270 гр сульфидина.

Мушанников не признал себя виновным в присвоении лекарств, полученных им для аптеки в июле и в августе 1943 г. Однако суд признал возражения обвиняемого неосновательными, ссылаясь в отношении первого случая (несдачи 100 гр стрептоцида и 100 гр сульфидина) на показания зав. аптекой Сирокоянц и свидетеля Станиславского и на заявление, сделанное Мушанниковым в его последнем слове, а в отношении второго случая — на признание Мушанниковым факта выдачи Мартынову, подписавшему акт от 12 августа 1943 г., 7—8 гр сульфидина, хотя и не в знак благодарности, а по просьбе этого работника.

Все эти ссылки суда надо признать неправильными. Ссылка суда на заявление, сделанное Мушанниковым в его последнем слове, неправильна и по форме и по существу. Как явствует из ст. 309 УПК РСФСР, последнее слово подсудимого занимает в судебном процессе особое место вне судебного следствия, которое заканчивается еще до прений сторон.

Заявления, сделанные подсудимым в его последнем слове, не могут рассматриваться как доказательства по делу. Они могут лишь служить поводом для возобновления судебного следствия, как это указано в примечании к ст. 309 УПК, если в них раскрываются новые обстоятельства по делу. Поэтому если подсудимый, отрицавший при допросе его судом свою вину, в последнем слове признает себя виновным в предъявленном ему обвинении, то суд должен возобновить судебное следствие и вновь допросить подсудимого и только результаты этого допроса могут быть предметом обсуждения суда как доказательства по делу. В данном случае суд не только допустил нарушение закона, сославшись как на доказательство на заявление подсудимого, сделанное им в последнем слове, но при этом сделал из заявления подсудимого вывод, который из него вовсе не вытекает. Судя по изложению в протоколе судебного заседания, Мушанников заявил, что он считает себя материально ответственным за недостачу 100 гр сульфидина и 100 гр стрептоцида наравне с Сирокоянц. Из такого заявления вовсе не следует, что Мушанников признавал себя виновным в присвоении этих лекарств.

Что касается ссылки суда на показания свидетелей Сирокоянц и Станиславского, то суд не учел ни особого положения Сирокоянц в данном деле, как лица, заинтересованного в исходе дела, поскольку она отвечает за полученные ею для аптеки лекарства, ни противоречивого характера ее показаний и показаний свидетеля Станиславского. Не говоря уже о том, что Сирокоянц в своей записке, переданной ею редакции местной газеты, упоминает лишь о недополучении от Мушанникова стрептоцида и что по поводу причин умолчания о сульфидине она дала суду крайне неубедительные объяснения, ее показания о том, при каких обстоятельствах она обнаружила недостачу этих лекарств еще более противоречивы. Когда она в своих показаниях, данных следователю на допросе, произведенном после того, как нарсуд направил дело на исследование, впервые сообщила, что во время приема лекарств от Мушанникова присутствовало третье лицо, то она заявила, что этим лицом был незнакомый ей гражданин, который после ухода из аптеки Мушанникова обратил ее внимание на то, что тот что-то зачеркивал в накладной, когда она вместе с уборщицей вносила в аптеку ящики с повозки.

Кроме того, в этих показаниях так же, как и в предыдущих ее показаниях, Сирокоянц утверждает, что во время приема лекарств от Мушанникова она не обратила внимания на то, что что-то зачеркнуто в накладной, что она разобралась в этом только после ухода Мушанникова, а о возмещении недостающих сульфидина и стрептоцида деньгами Мушанников говорил ей вечером того же дня, когда он к ней пришел вместе со своей женой. Между тем Станиславский (работник райветлечебницы), который, очевидно, является

этим неизвестным гражданином, будучи допрошен в качестве свидетеля в судебном заседании от 22 января 1944 г., показал, что когда Мушанников передал лекарства, то он, взяв накладную, заявил, что «за это и за это» он уплатит деньгами. После того, как он ушел, Сирокоянц показала ему, свидетелю, накладную и сказала, что это наверно сульфидин и стрептоцид зачеркнуты.

Оценивая показания этих свидетелей как доказательство по делу, суд обязан был обсудить отмеченные противоречия в их показаниях и указать, почему он считает, что этими показаниями подтверждается обвинение Мушанникова. Суд этого не сделал и поэтому надо признать необоснованной ссылку суда на показания этих свидетелей. Необходимо отметить, что суд не установил, кто зачеркнул в накладной две строки, в которых были обозначены сульфидин и стрептоцид, и приписал чернилами к каждой из них буквы «руб.». В обвинительном заключении содержится утверждение, что, судя по образцу почерка, эти приписки сделаны Мушанниковым. Графической экспертизы по делу произведено не было. Согласно заключения эксперта Центральной криминалистической лаборатории НКЮ СССР установить, кем написаны указанные слова, не представляется возможным.

Таким образом, необходимо признать, что в деле нет достаточных данных, подтверждающих присвоение Мушанниковым 100 гр сульфидина и 100 гр стрептоцида из партии, привезенной им в июле 1943 г.

Также необосновано утверждение суда о присвоении Мушанниковым сульфидина и стрептоцида в августе 1943 г. То обстоятельство, что какая-то авария с лекарствами произошла в пути у Мушанникова, подтверждается также показаниями водителя Барсукова. Однако расследование дела в этой части было проведено недостаточно и поэтому собранные по делу данные недостаточны для того, чтобы судить о правильности или неправильности составленных по этому поводу актов о недостатке лекарств. В частности, не было истребовано заключение сведущего лица по вопросу о том, какие внешние видоизменения должны были произойти в порошках сульфидина и стрептоцида под воздействием влаги и являются ли в связи с этим правдоподобными заявления Мушанникова о последствиях аварии.

С другой стороны, неосновательна ссылка суда на факт передачи Мушанниковым некоторого количества сульфидина Мартынову, составившему акт от 12 августа 1943 г., как на доказательство фиктивности этого акта. Работник этот по делу не допрошен и данных о привлечении его к ответственности за составление фиктивного акта и получение взятки в деле нет. При таких данных ссылка на это обстоятельство неосновательна.

Необходимо, таким образом, признать, что обвинение Мушанникова в присвоении стрептоцида и сульфидина из аптечных фондов необосновано.

Как установил суд, Мушанников занимался лечением больных. Крайздравотдел сообщил органам расследования, что частная практика врачом, имеющим законченное высшее медицинское образование, не воспрещается. Мушанников же не имеет законченного высшего медицинского образования. Уже по одному этому его занятие врачебной практикой является уголовно-наказуемым (ст. 180 УК РСФСР). Кроме того, необходимо учесть, что Мушанников по своему служебному положению являлся не врачом, состоящим на государственной службе, а должностным лицом, возглавляющим районный орган здравоохранения.

Тем более преступными являются те действия, которые по его собственным показаниям он совершил при лечении обращавшихся к нему больных. Как показал Мушанников, он покупал для своих больных сульфидин и стрептоцид на рынке в Краснодаре на деньги, которые ему для этого давали его больные, а для больного Гляненко он с этой целью продал там же на рынке продукты, которые ему дал Гляненко. Не говоря уже о том, что такая скупка лекарств на рынке и по существу перепродажа их больным сама по себе является уголовно-наказуемым действием, эти действия сугубо преступны, когда их совершает должностное лицо, которое в силу своего служебного положения должно было бы принимать меры к пресечению их.

Поскольку, таким образом, Мушанников сам совершал такие действия, которые он в силу своего служебного положения должен был бы преследо-

вать, если бы их совершил медработник в подведомственном ему учреждении, в его действиях содержатся признаки должностного преступления, предусмотренного ст. 109 УК РСФСР.

В виду изложенного Судебная коллегия определила:

Исключить из приговора обвинение Мушанникова в присвоении сульфидина и стрептоцида и оставить в силе осуждение его по ст. 109 УК РСФСР за незаконное лечение больных.

10. В тех случаях, когда вред возник не только в результате действий подсудимого, но и вследствие грубой небрежности потерпевшего, суд, исходя из принципа смешанной ответственности, может возложить на причинившего вред обязанность частичного возмещения вреда в соответствии со степенью вины каждой из сторон

Дело Колчиной. Осуждена народным судом Укьянского района Курской области по ст. 16 и ч. 2 ст. 79² УК РСФСР со взысканием в пользу колхоза 11372 р. Определение от 23 декабря 1944 г.

Колчина, работая дояркой в колхозе, 7 мая 1943 г. перенесла из избы горячие угли с целью затопить печь в телятнике. От упавшего угля возник пожар, которым были уничтожены ряд построек на ферме и 6 новорожденных телят, чем причинен ущерб в сумме 11372 р. Суд правильно квалифицировал действия Колчиной по ст. 16 и ч. 2 ст. 79² УК РСФСР, поскольку материалами дела установлено, что пожар возник в результате неосторожных действий Колчиной, находившихся в причинной связи с возникшим пожаром. Однако при определении меры наказания суд не учел, что вина Колчиной смягчается тем обстоятельством, что самим колхозом не было принято элементарных противопожарных мер: на ферме отсутствовали кадки с водой и не было других нужных приспособлений, при наличии которых пожар мог бы быть легко ликвидирован. Вместе с тем следует признать, что суд без достаточных оснований возложил полностью на Колчину ответственность за материальный ущерб, причиненный пожаром. Согласно п. 11 Постановления Пленума Верховного суда СССР от 14 августа 1942 г. «О судебной практике по гражданским колхозным делам», при рассмотрении иска колхоза к колхозникам о возмещении ущерба, причиненного колхозному имуществу, суд должен тщательно исследовать обстоятельства дела, установить, при каких обстоятельствах произошел вред, а при определении размера подлежащих возмещению убытков должны учитываться судом не только причиненные убытки, но и та конкретная обстановка, при которой был причинен ущерб.

Согласно постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июля 1943 г. «О судебной практике по искам из причинения вреда» в тех случаях, когда по обстоятельствам дела будет установлено, что вред возник не только в результате неправильных действий причинивших вред, но и вследствие грубой небрежности или грубой неосторожности самого потерпевшего, суд может, исходя из принципа смешанной ответственности, возложить на причинившего вред обязанность частичного возмещения вреда в соответствии со степенью вины каждой из сторон. Поскольку в материалах дела имеются достаточно веские данные, указывающие на то, что и само руководство колхоза проявило грубую небрежность, не обеспечив колхоз элементарными противопожарными приспособлениями, следует признать, что было бы несправедливо всю материальную ответственность за причиненный ущерб возлагать только на Колчину, определенную долю ущерба должен нести и сам колхоз. Независимо от того, что Колчина полностью внесла взыскиваемую сумму, приговор суда в части гражданского иска не может быть оставлен в силе и подлежит отмене. В виду изложенного Судебная коллегия по уголовным делам определила:

В части гражданского иска приговор нарсуда и последующие определения вышестоящих судов отменить, предоставив колхозу право предъявить иск в порядке гражданского судопроизводства.

11. Отменяя приговор полностью или в части за необоснованностью, вышедший суд обязан указать, в чем заключается эта необоснованность

Дело Стародубова и Ерощенко. Осуждены народным судом 1-го участка Земетчинского района Пензенской области по ст. 109 УК РСФСР со взысканием определенных сумм в пользу колхоза. Определение от 6 декабря 1944 г.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Пензенского облсуда от 11 апреля 1944 г. приговор в части квалификации действий осужденных и установления размера наказания был оставлен в силе, в части гражданского иска приговор был отменен с предоставлением колхозу права предъявить иск к осужденным в общегражданском порядке.

Это определение вынесено с нарушением ст. 421 УПК РСФСР, согласно которой в случае отмены приговора в определении должны быть указаны как статьи закона, которые признаны нарушенными, так и то, в чем именно нарушение выразилось и почему оно признано существенным. Между тем Коллегия ограничилась голой ссылкой на то, что в этой части приговор недостаточно обоснован. Коллегия не указала, почему она считает гражданский иск необоснованным, в чем эта необоснованность заключается и что именно следует учесть при вторичном рассмотрении дела в этой части. Голословное же утверждение Коллегии дезориентирует суд первой инстанции и не дает ему представления о том, какая ошибка была допущена по делу.

Ввиду изложенного Судебная коллегия Верховного суда СССР определила: определение Судебной коллегии по уголовным делам Пензенского облсуда по настоящему делу отменить и дело передать на новое рассмотрение в ту же Коллегию в ином составе в порядке ст. 15 Закона о судостроительстве.

12. Внесение протестов в порядке надзора по уголовным делам не ограничено никакими сроками. Однако, исходя из принципов советского уголовного права и процесса, надзорная инстанция, рассматривая протест на оправдательный приговор или определение о прекращении дела, внесенный спустя длительный период времени после вынесения опротестованных решений, обязана поставить на свое обсуждение вопрос о целесообразности отмены приговора или определения, учитывая давность их вынесения

Дело Бурковской и Метт. Определение от 25 октября 1944 г.

В протесте Председателя Верховного суда СССР по этому делу указано следующее:

Бурковская и Метт признаны виновными в том, что в ноябре 1941 г. они совместно совершили кражу разных носильных вещей, принадлежащих Аюклян и членам его семьи, эвакуированным из Москвы. Кражу они совершили, проникнув в комнату, принадлежащую Аюклян в той же квартире. При обыске, произведенном у них, обнаружены принадлежащие Аюклян бурки, перекрашенные из белого в черный цвет, и скатерть. Учитывая, что у Бурковской двое малолетних детей в возрасте двух месяцев и четырех лет, за которыми ухаживать некому, и что она ранее не судимая, суд постановил в силу ст. 53 УК РСФСР считать назначенное ей лишение свободы условным с испытательным сроком в течение двух лет.

Определением Московского городского суда от 20 августа 1942 г. этот приговор народного суда отменен и дело производством прекращено по мотивам недоказанности обвинения Метт и Бурковской в совершении кражи вещей, принадлежащих Аюклян.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 29 августа 1944 г. определение Московского городского суда от 20 августа 1942 г. по протесту Прокурора РСФСР отменено и дело передано Московскому городскому суду для вторичного рассмотрения в кассационном порядке в ином составе суда.

Определение Верховного суда РСФСР об отмене определения Московского городского суда от 20 августа 1942 г. нельзя признать правильным.

Хотя закон не ограничивает каким-либо сроком истребование дел и пересмотр приговоров и определений в порядке судебного надзора (ст. 430 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик), тем не менее необходимо признать, что по отношению к одной категории приговоров, а именно оправдательных (и соответственно к определениям о прекращении производства по делу, вследствие недоказанности обвинения или отсутствия состава преступления в действиях обвиняемого) безоговорочное применение судом указанной нормы противоречит общим началам советской уголовной политики и права.

К этому выводу приводит наличие в нашем уголовном законодательстве норм, устанавливающих процессуальные ограничения для пересмотра оправдательных приговоров и вводящих давностные сроки, истечение которых исключает как уголовное преследование, так и состоявшуюся уже судимость.

К первой категории принадлежат нормы, установленные для пересмотра приговора (в УПК УССР и некоторых других также определения о прекращении дел) в порядке возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Уголовно-процессуальные кодексы за единичным исключением (например Таджикский кодекс) устанавливают ограничения для пересмотра оправдательных приговоров, заключающиеся, во-первых, в том, что о пересмотре таких приговоров может ходатайствовать только прокурор, тогда как о пересмотре обвинительного приговора может ходатайствовать не только сам осужденный и его защитник, но и его родственники, а также соответствующие общественные организации; и, во-вторых, в ограничении пересмотра этих приговоров определенными сроками: годичным со дня открытия новых обстоятельств и во всяком случае пятилетним (в Узбекском кодексе трехлетним) со дня вступления приговора в законную силу.

Ко второй категории относятся нормы, исключающие уголовное преследование по истечении установленных законом сроков (ст. 14 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик) и снимающие судимость (п. «в» ст. 55 УК РСФСР).

Наличие этих норм позволяет утверждать, с одной стороны, что закон придает устойчивости оправдательных приговоров особенно большое значение, и, с другой стороны, рассматривает истечение более или менее длительного промежутка времени с момента совершения преступления обстоятельством, которое независимо от других обстоятельств освобождает от уголовной ответственности.

Нельзя не признать, что ничем неограниченное, и особенно не ограниченное сроком, право пересмотра оправдательных приговоров (и определений о прекращении дел) находилось бы в противоречии с указанными началами.

Отсюда следует, что если при отсутствии положительной нормы, устанавливающей ограничения в праве пересмотра в порядке надзора оправдательных приговоров (определений о прекращении дел), суд и не в праве отказывать в приеме к своему рассмотрению протестов по мотивам несвоевременного их принесения, то он тем не менее обязан при рассмотрении протестов, принесенных через длительный промежуток времени после вынесения оправдательного приговора или определения о прекращении дела, входить в рассмотрение обстоятельств, обусловивших позднее принесение протеста, и, не ограничиваясь обсуждением доводов протеста, обсудить целесообразность пересмотра приговора или определения, как с точки зрения оснований, побудивших к принесению протеста, так и с точки зрения последствий пересмотра приговора или определения.

С этой точки зрения необходимо признать, что рассматриваемое определение Верховного суда РСФСР об отмене определения Московского городского суда о прекращении дела в отношении осужденных народным судом Метт и Бурковской неправильно прежде всего потому, что из поля зрения Верховного суда выпало то обстоятельство, что протест на определение Мосгорсуда принесен через два года после вынесения его без объяснения причин, вызвавших такое несвоевременное принесение протеста, и что пересмотр этого

определения во всяком случае не мог быть признан целесообразным, так как в результате его могло бы последовать лишь такое решение вопроса о виновности Метт и Бурковской, которое в силу ст. 8 УК РСФСР влекло бы постановку вопроса об освобождении их от применения наказания. Как будет показано ниже, даже при согласии с доводами протеста обвинение Метт и Бурковской в совершении кражи вещей, принадлежащих Акоюну, могло бы быть признано обоснованным лишь в отношении двух предметов: бурок и скатерти. Осуждение в уголовном порядке за такое незначительное преступление через 3 года после его совершения (кража совершена в 1941 г.) нельзя было признать целесообразным.

Но определение Верховного суда РСФСР не может быть признано правильным и с точки зрения обоснованности мотивов отмены определения Московского городского суда.

Верховный суд РСФСР согласился с протестом, считающим, что обвинение Метт и Бурковской в краже имущества Акоюна доказано, и следовательно приговор народного суда правилен, а Мосгорсуд неосновательно отменил этот приговор и прекратил дело производством.

Прежде всего надо поставить вопрос, о каком обвинении идет речь. Кража — имущественное преступление, а без точного определения имущества, являющегося предметом данной кражи, не может быть признан установленным состав совершенного преступления. Между тем, в обвинительном заключении предмет кражи обозначен словами «разные носильные вещи» без указания каких-либо иных данных, как о природе, так и о количестве и стоимости этих вещей. В приговоре предмет кражи определен как «ряд носильных вещей, как-то коверкотовый костюм, пальто и другие вещи». Таким образом, суд также не считал необходимым точно установить, какое имущество похитили осужденные.

Этот существенный недостаток приговора является в данном случае не простым упущением суда, а он связан с необоснованностью самого обвинения.

Настоящее дело возникло на основании заявлений, поданных в органы дознания и прокуратуры г. Москвы, Акоюн и находящимися в эвакуации его женой Лебедевой и матерью последней Жильцовой, а также выступающей по данному делу в качестве свидетельницы родственницы их Орловой, которой отсутствующие члены данной семьи давали поручения по поводу оставшегося имущества.

Как видно из этих заявлений, имущество данной семьи находилось в двух занимаемых ею комнатах и при эвакуации членов данной семьи из Москвы оно не было сдано по описи домоуправлению, которому уехавшая последней сестра Лебедевой передала ключи от комнат. Через некоторое время проживающая в том же доме Орлова получила сообщение, что комнату Акоюн посещает управляющий домом, где проводит время с какими-то женщинами.

Выполняя в это время поручение Лебедевой об отборе части одежды и белья для посылки ей теплых вещей, Орлова обнаружила эту комнату открытой, на столе остатки еды и питья, а в вещах обнаружила пропажу некоторых из тех вещей, которые ее просили послать. Как заявляет Орлова, она оставшиеся после произведенного ею отбора вещи перенесла во вторую комнату, в которой до эвакуации жила Жильцова (мать Лебедевой), и ключ от этой комнаты взяла себе. При новом посещении комнаты Жильцовой Орлова установила пропажу некоторых перенесенных ею из первой комнаты вещей, а также других вещей из находившихся в этой комнате. В одном из последних своих заявлений по делу Акоюн сообщает, что всего похищено имущества на сумму 157 000 руб.

Из изложенного видно, что имущество потерпевших было оставлено в условиях, не только не обеспечивающих сохранность его, но и возможность установления состава его, что Орлова, действовавшая в интересах отсутствующих членов данной семьи, даже после обнаружения признаков хищения вещей не приняла надлежащих мер к сохранности их. Из этих же материалов видно, что комнаты потерпевших имели возможность посещать и посещала разные лица в условиях, не дающих возможность проверить, что они сделали

При своих посещениях. При этих условиях надо во всяком случае признать неосновательным вывод суда о доказанности обвинения Метт и Бурковской в краже всего того, в отношении чего положительно не установлено, что именно это ими изъято и присвоено.

Таким образом, если бы можно было считать доказанным, как считал народный суд, что бурки и скатерть, обнаруженные у осужденных, похищены ими, то только в краже этих двух вещей и можно было бы признать их виновными. Однако и в этом виде обвинения нельзя признать обоснованным.

Прежде всего надо отметить, что обнаружение этих вещей у обвиняемых не могло даже служить основанием для утверждения суда о том, что обвиняемые проникли в комнаты потерпевших, так как не установлено, что эти вещи находились в этих комнатах. В отношении бурок это вытекает из заявления самих потерпевших и показаний Орловой, согласно которым бурки, которые они считают похищенными, находились не в комнатах, а в ванной данной квартиры.

В отношении же скатерти имеются только противоречивые показания свидетельницы Орловой и обвиняемой Бурковской: первая утверждает, что эта скатерть находилась в комнате Жильцовой, а вторая показала, что она взяла ее из старья, которое хранилось в ванной, где находились вещи не только семьи Акоюн, но и других жильцов квартиры. Последнее обстоятельство подтверждено в судебном заседании свидетельницей Клейменовой, которая также подтвердила, что бывшая жилища Ошес, выезжая из данной квартиры, предоставила право Метт пользоваться оставленными там вещами ее (см. подтвержденные на судье замечания защитника обвиняемых на протокол судебного заседания).

Если Бурковская при этих условиях взяла из ванной вещи, оказавшиеся принадлежащими семье Акоюн, то это еще нельзя рассматривать, как кражу. Заявление же Орловой, ничем иным не подтвержденное, что скатерть взята из комнаты, нельзя признать достаточным доказательством.

Что касается бурок, которые по утверждению Метт являются его собственными, то обвинение в краже их основано на том обстоятельстве, что они оказались перекрашенными из белого цвета в черный, причем это обстоятельство, которое сам Метт, носивший эти бурки, не отрицал, вначале отрицала его жена Бурковская. Суд признал это обстоятельство достаточной уликой при наличии показаний свидетеля Петрушевского, удостоверившего, что еще в 1939 г. у Метт были белые бурки, которые он впоследствии переокрасил, так как они загрязнились (см. протокол судебного заседания). Надо признать, что и в отношении бурок нет достаточных доказательств для обвинения Метт и Бурковской.

В связи с изложенным в протесте был поставлен вопрос об отмене определения Верховного суда РСФСР и оставлении в силе определения Московского городского суда.

Протест был Коллегией удовлетворен.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. В отношении ответчика, состоящего в рядах Красной Армии и находящегося вне места рассмотрения дела, последнее должно быть приостановлено производством

Определение № 714 1944 г. по иску В. А. Коршунова к А. А. Коровушкину и др.

31 июля 1944 г. народный суд гор. Сегежа, рассмотрев дело по иску Коршунова к Коровушкину и Крыло о взыскании 30 000 руб. за двух коз, разорванных собаками ответчиков, решил взыскать с Коровушкина в пользу

Коршунова 8000 руб. В отношении ответчика Крыло суд дело производством приостановил вследствие нахождения ответчика в Красной Армии.

19 августа 1944 г. Судебная коллегия Верховного суда Карело-Финской ССР решение народного суда оставить в силе, а определение народного суда в части приостановления дела производством в отношении Крыло отменила, признав, что в отношении Крыло дело может быть рассмотрено по существу, так как Крыло служит в тыловых частях Красной Армии в месте нахождения истца.

По протесту Прокурора СССР Судебная коллегия признала, что дело подлежит пересмотру по следующим основаниям:

1. Дело рассмотрено в отсутствие ответчика Коровушкина при отсутствии сведений о вручении ему повестки о явке в суд, чем нарушена ст. 98 ГПК.

2. Стоимость коз в сумме 30 000 руб. ничем по делу не подтверждена и взята со слов самого истца.

3. Неправильно отменено определение суда в части приостановления дела в отношении Крыло, так как из имеющихся в деле документов видно, что ответчик Крыло переведен в другую воинскую часть и в гор. Сегеж не проживает.

4. Судом не проверено заявление истца о том, что одна из собак, разорвавших коз, принадлежит воинской части, в которой Крыло работал в качестве начальника штаба. Если это верно, то воинская часть может быть привлечена в качестве соответчика по настоящему делу.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 30 ноября 1944 г. определила:

Все решения и определения, вынесенные по делу, отменить и передать его на новое рассмотрение в тот же суд с участием прокурора.

2. Применение тех или иных норм гражданского законодательства зависит от квалификации правоотношений сторон

§ 1. Определение № 765 1944 г. по иску колхоза им. Дмитрова к оружейной ремонтной мастерской Интендантского управления Закфронта

Верховный суд АзССР, рассмотрев 14 августа 1944 г. дело по иску колхоза им. Дмитрова к ОРМ ИУ Закфронта о взыскании 250 000 руб. за виноград, взыскал с ответчика в пользу истца 74 184 руб., заключенный между сторонами договор, как незаконный, аннулировал и предоставил ОРМ ИУ Закфронта право регресса к цементному заводу.

По протесту Прокурора СССР Судебная коллегия признала, что дело подлежит пересмотру по следующим основаниям:

1. Из материалов дела видно, что колхоз им. Дмитрова, с одной стороны, и ОРМ ИУ Закфронта и цементный завод им. Воровского, с другой стороны, 1 марта 1943 г. заключили между собой договор, в силу которого колхоз сдал заводу и ОРМ ИУ Закфронта в пользование участок виноградника площадью в 20 га сроком на 5 лет. По этому договору наниматели обязались предоставить колхозу помощь транспортом для обработки другого участка земли и для вывоза урожая. В октябре 1943 г. завод выбыл из договорных отношений, о чем свидетельствует пометка на договоре от 1 марта 1943 г., и новый договор, подписанный начальником ОРМ ИУ Закфронта. Так как наниматель ОРМ ИУ Закфронта не выполнил условия договора, колхоз обратился с иском в суд о взыскании с ОРМ ИУ Закфронта 250 000 руб., составляющие стоимость ответчиком снятого винограда урожая 1943 г.

2. Верховный суд АзССР, рассмотрев дело по существу и удовлетворив исковые требования колхоза в сумме 74 184 руб., не выяснил все обстоятельства дела, как в части основания, так и размера иска.

Юридические отношения, возникшие между сторонами, можно квалифицировать или в соответствии с пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 г. за № 144 «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих» или в соответствии со ст. 30 и 147 ГК АзССР, как противозаконные. Если ОРМ ИУ Закфронта и цементный завод полу-

чили участок земли от колхоза в порядке постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 г. и постановления СНК АзССР и ЦК ВКП(б) Азербайджана, то и отношения между сторонами должны регулироваться этими постановлениями, а не нормами гражданского кодекса и договором, заключенным сторонами. Если же стороны вступили в договорные отношения между собою по поводу участка земли и виноградника по взаимному соглашению и не в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 г., а для последнего утверждения есть основания, так как договор сторон от 1 марта 1943 г. противоречит постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 г., то взаимоотношения сторон следует рассматривать, как противозаконную сделку (ст. 30 ГК) со всеми вытекающими отсюда последствиями (ст. 147 ГК), тем более, что эта сделка противоречит специальному постановлению ЦИК и СНК СССР от 4 июня 1937 г. «О восприятии сдачи в аренду земель сельскохозяйственного значения» (СЗ СССР № 37 1937 г., ст. 150).

3. При новом рассмотрении дела суду следует подробно выяснить указанные выше обстоятельства и разрешить дело в соответствии с полученными данными и руководствоваться законом.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 30 ноября 1944 г. определила:

Решение Верховного суда АзССР от 14 августа 1944 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд по первой инстанции с участием прокурора.

§ 2. Определение № 701 1944 г. по иску В. М. Чернецкого к Чайка и др.

Народный суд 2-го участка гор. Потти, рассмотрев 8 марта 1944 г. дело по иску Чернецкого к Чайка и Грицек о взыскании 1500 руб. за разбитые часы, решил взыскать с Чайка в пользу Чернецкого 1500 руб., а с Грицек в пользу Чайка 1000 руб. 10 апреля 1944 г. Судебная коллегия Верховного суда ГрузССР решение народного суда оставила в силе.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия признала, что дело подлежит пересмотру по следующим основаниям:

Суд не выяснил, кто именно взял в починку часы Чернецкого, мастерская или Чайка. Между тем, это обстоятельство имеет существенное значение для правильного разрешения дела, так как если подрядчиком является мастерская, то она и несет перед Чернецким ответственность за целостность и сохранность переданных ей часов, а Чайка и Грицек, как работники мастерской, несут ответственность только перед мастерской на основании Кодекса законов о труде. Если же часы были взяты в починку самим Чайкой, то он, как подрядчик, лично несет имущественную ответственность за целостность часов, но не в порядке ст. 402 ГК, а в порядке ст. 222 ГК, т. е. в силу заключенного между сторонами договора-подряда.

Что касается ответственности Грицек, ученика мастерской, то он может нести материальную ответственность за часы только при том условии, если будет доказано, что он разбил часы умышленно или по неосторожности, т. е. допустил виновное, а не случайное причинение вреда (ст. 403 ГК). Поэтому при новом рассмотрении дела суду необходимо проверить, не возникло ли причинение вреда в данном случае по вине самого Чайка, положившего часы в ящик с инструментами и не предупредившего об этом Грицека.

Вынося решение, суд не проверил размер иска и установил стоимость часов со слов Чернецкого, что также не может быть признано правильным.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 22 ноября 1944 г. определила:

Все решения и определения отменить и дело передать на новое рассмотрение по существу в тот же суд с участием прокурора.

§ 3. Определение № 740 1944 г. по иску прокурора
Пахтаабадского района к Адылову

Народный суд Пахтаабадского района, рассмотрев 22 августа 1943 г. дело по иску прокурора Пахтаабадского района к Адылову о возврате лошади, обязал Адылова вернуть колхозу им. Тельмана купленную у него лошадь.

Определением от 7 сентября 1943 г. Судебная Коллегия Верховного суда ТаджССР решение народного суда отменила и дело производством прекратила, так как колхоз, совершив с Адыловым договор купли-продажи лошади, не имеет права требовать ее возврата.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия признала, что дело подлежит пересмотру по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что спорная лошадь была передана колхозу им. Тельмана райфо, как конфискованное имущество. Колхоз продал лошадь народному суду, а нарсудья Адылов, уходя с работы в нарсуде, взял лошадь с собой, считая ее своей.

Суд, рассматривая дело о возврате лошади, не выяснил, кто же является собственником этой лошади — нарсуд или Адылов? Если лошадь приобретена народным судом, то в качестве истца должно выступить Управление НКЮ и в этом случае лошадь должна быть передана народному суду. Если же лошадь приобрел для себя лично народный судья Адылов, то в качестве истца должен выступить колхоз им. Тельмана и лошадь должна быть возвращена колхозу, поскольку народный судья Адылов не имел права приобретать для себя лошадь из числа конфискованного имущества.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 14 декабря 1944 г. определила:

Все решения и определения, вынесенные по делу, отменить и передать его на новое рассмотрение по существу в тот же суд с участием прокурора.

3. Споры по поводу недостатков в проданном имуществе разрешаются
на основании ст.ст. 195—199 ГК

Определение № 735 1944 г. по иску М. М. Данилиной
к А. Н. Грошевой

Данилина 10 июля 1944 г. обратилась в народный суд с иском к Грошевой о расторжении заключенного между ними договора купли-продажи коровы.

Решением от 18 июля 1944 г. народный суд 2-го уч. Клинского р-на Московской области признал договор недействительным и постановил привести стороны в первоначальное положение, в силу чего Грошева обязана возвратить Данилиной 52 000 руб. денег, а Данилина возвратить Грошевой корову. Определением Московского областного суда от 5 августа 1944 г. указанное решение было оставлено в силе.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия признала, что решения народного суда и определения областного суда подлежат отмене по следующим основаниям:

Иск о расторжении договора купли-продажи коровы предъявлен Данилиной по тем основаниям, что купленная ею корова у Грошевой вопреки заявлению последней о том, что она здоровая и стельная, оказалась больной и яловой. Решение народного суда о расторжении договора мотивировано тем, что он заключен под влиянием обмана и потому суд вынес решение, руководствуясь ст.ст. 32 и 36 ГК.

Определение Московского областного суда об оставлении в силе указанного решения суда содержит указание, что решение народного суда соответствует требованиям ст.ст. 196—197 ГК.

Как решение народного суда, так и определение областного суда не могут быть признаны правильными потому, что выводы суда о наличии обманных действий со стороны продавца Грошевой материалами дела не подтверждаются.

По поводу расторжения договора купли-продажи коровы вследствие недостатков купленного имущества, Судебная коллегия отмечает следующее:

Как видно по делу, стороны проживают в одной деревне. Допрошенные свидетели указали, что между истицей и ответчицей велись длительные переговоры по поводу купли-продажи коровы и покупательнице было известно, что корова старая, 11-ти телят. Указанные обстоятельства дают основания полагать, что истица при необходимой с ее стороны внимательности могла бы усмотреть, что корова с трудом встает и медленно двигается, между тем корова была принята покупательницей без оговорок.

Что же касается недостатков, которые не могли быть усмотрены, то в силу ст. 196 ГК на эти недостатки покупатель может сослаться лишь в том случае, если по их обнаружении он сообщил о них продавцу без замедления. При этом следует отметить, что представленная к жалобе выписка из журнала амбулаторного приема клиники райветлечебницы свидетельствует о том, что корова Данилиной здорова и лечения не требует.

В отношении того обстоятельства, что корова ответчицы оказалась яловой, должно быть учтено, что в деле не имеется доказательств в подтверждение того, что корова была куплена под тем обязательным условием, что она является стельной, а потому отсутствие этого качества не может служить основанием к расторжению договора.

В силу изложенного Судебная коллегия в заседании от 14 декабря 1944 г. определила:

Решение народного суда и определение облсуда отменить и дело передать на новое рассмотрение в суд с участием прокурора.

4. Отсутствие материалов расследования обстоятельств, повлекших образованные недостатки груза, не является препятствием для разрешения вопроса о гражданской ответственности перевозчика за недостачу груза

Определение № 720 1944 г. по иску Башкирской конторы В/О «Заготзерно» к Управлению Камского речного пароходства

Молотовский областной суд, рассмотрев 17 мая 1944 г. дело по иску Башкирской конторы В/О «Заготзерно» к Управлению Камского речного пароходства о взыскании 24 896 р. 80 к., иск конторы удовлетворил.

Определением от 27 июня 1944 г. Судебная коллегия Верховного суда РСФСР решение областного суда отменила и дело передала на новое рассмотрение.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия признала, что определение Верховного суда РСФСР подлежит отмене по следующим основаниям:

1) Верховный суд РСФСР дал неправильное указание о том, что суд не имел права рассматривать дело в отсутствие истца, поскольку сам истец просил суд рассмотреть дело в его отсутствие.

2) Неправильно также указание Верховного суда РСФСР о том, что областной суд не потребовал объяснения от привлеченного в качестве соответчика Управления Бельского речного пароходства. На самом деле Камское пароходство весь претензионный материал направило Бельскому пароходству и последнее отношением от 1 июня 1943 г. само просило Камское пароходство принять на себя защиту его интересов.

3. Что касается рассмотрения дела судом по существу без приобщения к нему материалов расследования обстоятельств недостачи груза со стороны органов прокуратуры, то отсутствие этих материалов не может служить основанием для отмены решения областного суда, так как эти материалы могут иметь значение лишь для установления конкретных виновников недостачи на предмет привлечения их к уголовной ответственности, но не препятствуют разрешению вопроса о гражданской ответственности перевозчика за недостачу груза.

4. По существу решение областного суда вынесено в соответствии с обстоятельствами дела и основано на доказательствах, имеющихся в деле.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 2 декабря 1944 г. определила:

Определение Верховного суда РСФСР от 27 июня 1944 г. отменить, оставив в силе решение областного суда от 17 мая 1944 года.

5. Решение о признании съемщика утратившим право на площадь по мотивам неплатежа квартирной платы может быть вынесено только по требованию о том со стороны наймодателя

Определение № 722 1944 г. по иску М. А. Брискина к Г. К. Турбину

Брискин предъявил в народном суде иск к Турбину о выселении. Решением от 6 мая 1944 г. народный суд 1-го уч. Октябрьского р-на г. Днепропетровска в иске Брискину отказал по мотивам, что Брискин с момента освобождения г. Днепропетровска в течение длительного времени (более шести месяцев) не вносил квартирную плату. Судебная коллегия Днепропетровского областного суда, рассмотрев дело по жалобе Брискина, определением от 23 мая 1944 г. решение народного суда отменила и иск Брискина удовлетворила, возложив на райжилуправление обязанность предоставить Турбину другую площадь.

Определением Судебной коллегии Верховного суда УССР от 4 августа 1944 г. указанное определение Днепропетровского областного суда было отменено и оставлено в силе решение народного суда от 5 мая 1944 г. по тем основаниям, что в силу постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 июня 1942 г. непроживание съемщика в жилом помещении вследствие эвакуации не освобождает его от обязанности оплачивать помещение в сроки, установленные законом.

Так как согласно определения Днепропетровского областного суда от 23 мая 1944 г. Турбин со всеми совместно с ним проживающими лицами был выселен из спорного помещения и площадь была предоставлена Брискину, народный суд 1-го участка Октябрьского района определением от 23 октября 1944 г. в порядке поворота решения постановил Брискина выселить и вселить на эту площадь Турбина.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия признала, что определение Верховного суда УССР от 4 августа 1944 г. подлежит отмене по следующим основаниям: судебное решение о признании съемщика утратившим право на площадь по мотивам неплатежа квартирной платы могло быть вынесено лишь по требованию наймодателя. Однако такого требования Кировское райжилуправление к Брискину не предъявляло, и, как видно из дела, Горжилуправление сообщило суду о своем согласии предоставить Турбину другую площадь.

Судебное решение о возврате жилой площади съемщику Брискину приведено в исполнение, причем ответчику, как об этом свидетельствуют материалы дела, предоставлена другая жилая площадь, вполне пригодная для жилья.

Соглашаясь с доводами, изложенными в протесте Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 30 ноября 1944 г. определила:

Определение Судебной коллегии Верховного суда УССР от 4 августа 1944 г. отменить и оставить в силе решение Днепропетровского областного суда от 23 мая 1944 г., по которому ордер, выданный на имя Турбина, признан аннулированным и площадь передана в пользование Брискина.

6. Наниматели жилой площади в домах, принадлежащих жилищно-строительным кооперативным товариществам, не приобретают права самостоятельного пользования такой площадью

Определение № 736 1944 г. по иску Т. А. Штейнберг к А. А. Губер

3 января 1944 г. народный суд 4-го уч. Краснопресненского района г. Москвы, рассмотрев дело по иску Штейнберг к Губеру о выселении, иск

удовлетворил. Определением от 25 января 1944 г. Судебная коллегия Мосгорсуда решение народного суда оставила в силе.

9 августа 1944 г. Судебная коллегия Верховного суда РСФСР решение народного суда и определение Московского городского суда отменила и в иске Штейнберг о выселении Губер отказала.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия признала, что определение Верховного суда РСФСР подлежит отмене по следующим основаниям:

1. Из материалов дела видно, что истец Штейнберг состоит членом Кисловского жилищно-строительного кооператива в г. Москве и в качестве члена-пайщика имеет в своем распоряжении квартиру из 4 комнат. Уезжая из Москвы в связи с эвакуацией, Штейнберг в октябре 1941 г. предоставил Губеру во временное пользование с согласия Правления кооператива одну из комнат своей квартиры. На этом основании Губер переехал в квартиру Штейнберга, а свою комнату, в которой он ранее проживал, сдал райжилуправлению. По возвращении из эвакуации Штейнберг предъявил иск о выселении Губер из квартиры по мотивам временного проживания Губера.

2. Определение Верховного суда РСФСР об отказе Штейнберг в иске является неправильным. Согласно Устава ЖСК право постоянного пользования жилым помещением в домах жилищно-строительных кооперативов принадлежит только членам кооператива. Так как Губер членом Кисловского ЖСК не состоит, то обладать правами постоянного пользования жилым помещением в доме кооператива он не может. Даже в том случае, если бы между Штейнбергом и Губером было заключено соглашение о передаче комнаты в постоянное пользование Губеру, то оно, как противоречащее Уставу ЖСК, не могло признаваться законным и порождающим для сторон и для кооператива правовые последствия.

3. Таким образом отношения между Штейнбергом и Губером должны рассматриваться только как отношения между наймодателем и нанимателем имущества. Вопрос о срочности таких взаимоотношений между сторонами должен решаться по общим правилам, изложенным в ст.ст. 154 и 155 ГК. Поскольку в данном случае срок пользования взятым имуществом не был установлен сторонами, действие договора найма может быть прекращено по требованию Штейнберга с предупреждением о том Губера за три месяца. Из дела видно, что факт такого предупреждения Губер признает и, таким образом, нельзя говорить о нарушении судом статьи 155 ГК.

При изложенных обстоятельствах дела решение народного суда о выселении Губера является правильным и у Верховного суда РСФСР не было достаточных оснований для его отмены.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 13 декабря 1944 г. определила:

Определение Верховного суда РСФСР от 9 августа 1944 г. отменить и оставить в силе решение народного суда 4-го уч. Краснопресненского р-на г. Москвы от 3 января 1944 г. и определение Московского городского суда от 25 января 1944 г. о выселении Губера. Предоставить Губеру А. А. отсрочку выселения до 1 июля 1945 года.

7. Сроки уплаты квартирной платы за жилые помещения, находившиеся на территории, временно занятой врагом, исчисляются со времени освобождения территории Красной Армией

Определение № 726 1944 г. по иску К. Н. Полянского к О. Я. Скляревскому

Народный суд Октябрьского района г. Днепропетровска, рассмотрев 11 марта 1944 г. дело по иску Полянского к Скляревскому о выселении, в иске Полянскому отказал.

23 марта 1944 г. Судебная Коллегия Днепропетровского областного суда решение народного суда отменила и дело передала на новое рассмотрение.

20 апреля 1944 г. народный суд иск Полянского удовлетворил. 3 мая

1944 г. Судебная коллегия Днепропетровского областного суда решение народного суда отменила и в иске Полянскому отказала.

20 июня 1944 г. Судебная коллегия Верховного суда УССР решение народного суда и определение областного суда отменила и дело производством прекратила за отсутствием у истца права на иск.

Соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР и принимая во внимание:

1) что истец Полянский отсутствовал из Днепропетровска после освобождения его Красной Армией около шести месяцев и все это время квартирную плату не вносил,

2) что, таким образом, в силу п. «в» ст. 30 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. право на жилплощадь он утратил;

3) что решение суда об отказе Полянскому в иске является обоснованным, —

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 14 декабря 1944 г. определила:

Решение народного суда от 11 марта 1944 г. об отказе Полянскому в иске оставить в силе, отменив все последующие решения и определения суда.

8. Ответственность за причинение вреда несут лица, причинившие вред

Определение № 256 1945 г. по иску коллектива артистов театра «Миниатюр» к Молотовскому обкому профсоюза рабочих леса и сплава и др.

19 июля 1943 г. Молотовский обком Союза рабочих леса и сплава заключил с директором театра «Миниатюр» соглашение, по которому театр принял на себя обязательство провести в течение лета 1943 г. культурное обслуживание спектаклями и концертами рабочих леса и сплава на рейдах «Камлесосплава» и лес-промхозов «Уралзападолеса», расположенных на реке Каме, и обком союза обязался предоставить для этого театру пловучий клуб-баржу с полным оборудованием и обслуживающим персоналом, комнаты при клубе для работы театра и проживания артистов и обеспечить передвижение пловучего клуба по графику. В возмещение расходов обкома по содержанию клуба, обслуживающего персонала и других расходов, связанных с работой клуба, театр должен был уплачивать обкому Союза 10% с суммы валового сбора по спектаклям и концертам, проходящим на пловучем клубе и клубах сплавома.

В июле 1943 г. группа театра разместились в пловучем клубе со всем театральным имуществом и личным имуществом артистов и отбыла в плавание. Транспортиро-эксплуатационное обслуживание баржи, на которой находился пловучий клуб, производилось судовой командой, выделенной для этой цели на баржу такелажно-транспортной конторой треста «Камлесосплав».

В ночь с 22 на 23 сентября 1943 г., во время стоянки пловучего клуба на рейде, на барже возник пожар, при котором сгорела как баржа, так и все театральное и личное имущество артистов.

Приговором народного суда Нытвенского района Молотовской области от 16 декабря 1943 г. виновными в возникновении пожара и непринятии мер к своевременному тушению пожара были признаны капитан баржи Пепеляев и моторист баржи Аскедзеев. В декабре 1943 г. артисты театра «Миниатюр» в числе 20 человек предъявили к Молотовскому обкому Союза рабочих леса и сплава иск о взыскании 640354 руб. за сгоревшее при пожаре пловучего клуба имущество.

Народный суд 1 уч. Ленинского района Молотовской области решением от 26 января 1944 г. постановил взыскать с Обкома Союза рабочих леса и сплава 640354 руб. за сгоревшее имущество истцов и 38400 руб. госпошлины в доход государства. Судебная коллегия Молотовского городского суда 11 февраля 1944 г. это решение отменила и дело передала на новое рассмотрение.

При новом рассмотрении дела была привлечена к участию в деле в качестве соответчика Такелажно-транспортная Контора треста «Камлесосплав».

Народный суд 3 уч. Молотовского района г. Молотова решением от 30 апреля 1944 г. постановил обязать Такелажно-транспортную контору треста «Камлесосплав» возместить истцам убытки за сгоревшее имущество в сумме 385770 руб.

Это решение Судебной коллегии Молотовского городского суда определенным от 18 мая 1944 г. оставлено в силе.

Судебная Коллегия Верховсуда РСФСР по протесту Председателя Верховного суда РСФСР определением от 20 августа 1944 г. решение народного суда от 30 апреля 1944 г. и определение Молотовского горсуда от 15 мая 1944 г. отменила и дело передала на новое рассмотрение в Молотовский городской суд по первой инстанции.

Судебная коллегия признала, что протест Председателя Верховсуда СССР об оставлении в силе решения народного суда от 30 апреля 1944 г. подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что пловучий клуб (баржа) и все находившиеся на нем оборудование и имущество клуба было принято такелажно-транспортной конторой треста «Камдесослав» на свою ответственность. Назначение на баржу экипажа, внесение баржи в судовой реестр также производилось такелажно-транспортной конторой. Таким образом, хотя собственником баржи являлся обком Союза, но в силу сложившихся между ним и Такелажно-транспортной конторой фактических отношений, последняя непосредственно распоряжалась баржей и осуществляла техническую эксплуатацию баржи, как транспортного средства. Представитель же обкома союза на барже ведал только культурно-массовой работой клуба. При наличии таких обстоятельств на такелажно-транспортной конторе лежал надзор за соблюдением во время плавания правил технической эксплуатации баржи и установленных противопожарных мероприятий. Если в результате неправильных действий или упущений лиц экипажа на барже возник пожар, повлекший уничтожение имущества театра и артистов, обязанность возмещения причиненного вреда в силу ст. 403 ГК должна нести такелажно-транспортная контора, а не обком союза.

То обстоятельство, что владельцем баржи являлся обком союза, для дела значения не имеет, так как вред в данном случае причинен не при эксплуатации баржи как источника повышенной опасности (ст. 404 ГК), а вследствие неправильных действий должностных лиц такелажно-транспортной конторы, поставленных ею для управления баржей.

При этих условиях народный суд 3 уч. Молотовского района г. Молотова 30 апреля 1944 г. правильно разрешил спор и Верховный суд РСФСР неосновательно отменил решение народного суда.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражд. делам Верховного суда СССР в заседании от 17 апреля 1945 г. определила: Определение Судебной коллегии Верховного суда РСФСР от 20 августа 1944 г. отменить и оставить в силе решение народного суда 3 уч. Молотовского района г. Молотова от 30 апреля 1944 г. и оставила в силе определение Судебной коллегии Молотовского Городского суда от 15 мая 1944 г.

9. При определении размера следуемого потерпевшему возмещения, заработная плата инвалидов III группы не зачитывается

Определение № 405 1945 г. по иску В. А. Бойченко к Управлению активного лова НКРП

В связи с полученным увечьем Бойченко обратился в суд с иском к Управлению активного лова НКРП о возмещении убытков за вред, причиненный увечьем.

Народный суд 5 уч. Городского района г. Баку решением от 26 ноября 1940 г. постановил обязать Управление активного лова выплатить Бойченко 578 руб. разницы между средней заработной платой и получаемым пособием по социальному обеспечению за время, начиная с 2 сентября 1940 г. по 21 октября 1940 г.

По повторному иску Бойченко народный суд 2 уч. Ворошиловского района г. Баку решением от 12 марта 1942 г. постановил взыскать в пользу Бойченко 86 р. 16 коп. Судебная Коллегия Верховного суда АзССР определением от 31 марта 1942 г. решение народного суда в части отказа о взыскании средств

на курортное лечение оставила в силе, в остальной части решение отменила и дело передала на новое рассмотрение.

При новом рассмотрении дела народный суд 2 уч. Ворошиловского района г. Баку решением от 4—8 ноября 1942 г. постановил иск Бойченко удовлетворить в сумме 2622 р. 22 к. Это решение определением Судебной Коллегии Верховного суда АзССР от 11 декабря 1942 г. оставлено в силе.

Судебная Коллегия признала, что протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения народного суда и определения Верховного суда АзССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Удовлетворяя исковые требования Бойченко в сумме 2622 р. 22 коп., суд исходил из среднего заработка потерпевшего к моменту причинения ему вреда — 481 р. 44 к., пенсии, назначенной ему, как инвалиду, от происшедшего с ним несчастного случая — 150 руб., и заработной платы, которую он получал по новому месту работы, — 300 руб. Определяя подлежащую возмещению сумму, суд зачет как пенсию по социальному страхованию, так и заработок Бойченко, полученный по новому месту его работы.

Решение суда в части зачета пенсии по социальному страхованию является правильным. Согласно п. 9 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. «О судебной практике по делам из причинения вреда», при определении размера ущерба, подлежащего возмещению за увечье, суд обязан был учесть назначенную потерпевшему пенсию или пособие по государственному страхованию или социальному обеспечению и на соответствующую сумму уменьшить размер присуждаемого возмещения.

Решение суда в части зачета заработка Бойченко по новому месту работы является неправильным. О зачете заработка имеется указание в постановлении Пленума Верховного суда РСФСР от 28 июня 1926 г. (протокол № 10), но, согласно этому указанию, зачет заработка производится только в том случае, если потерпевший остался на прежнем месте работы. Помимо этого, это указание имеет силу только для судебных органов РСФСР, а не АзССР, а потому суд не вправе был руководствоваться этим указанием при разрешении дела Бойченко.

Согласно постановлению СНК СССР от 28 августа 1942 г. «О привлечении на время войны инвалидов 3-й группы, получающих пенсии по государственному социальному страхованию, на работу в предприятия и учреждения», за инвалидами 3-й группы, работающими на производстве и в учреждениях, каковым является Бойченко, — сохраняется выплата пенсии без учета размера их заработка. Поскольку заработок работающих инвалидов является неприкосновенным, решение суда о зачете заработка Бойченко следует признать противоречащим постановлению СНК СССР от 28 августа 1942 г.

Кроме того, при разрешении дела суд не учел размер оставшейся у Бойченко трудоспособности. Между тем, согласно п. 8 постановлению Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г., в том случае, если в результате увечья потерпевший частично лишился профессиональной или общей трудоспособности, то размер возмещения определяется пропорционально степени утраты потерпевшим профессиональной трудоспособности.

На основании изложенного Судебная Коллегия по гражд. делам Верховного суда СССР в заседании от 26 мая 1945 г. определила: Решение народного суда 2 уч. Ворошиловского р-на г. Баку от 4—8 ноября 1942 г. и определение Верховного суда АзССР от 11 декабря 1942 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в Верховный суд АзССР по первой инстанции.

10. Колхоз не освобождается от обязанности рассчитаться по трудодням только в силу того, что действиями оккупантов колхозу был нанесен имущественный ущерб

Определение № 183 1945 г. по иску А. Е. Шиловой к колхозу им. Ворошилова

Муж Шиловой А. Е. — Шилев Ф. В. работал в качестве тракториста в Шелтозерской МТС. В 1940 он заработал в колхозе им. Ворошилова 363 кг ржи. Заработанную на трудодни рожь Шилев не получил.

В сентябре 1941 г. Шелтозерский район был оккупирован финнами. В 1942 г. Шилов погиб на фронте Отечественной войны. Шилова, возвратившись из эвакуации, предъявила в народном суде иск к колхозу им. Ворошилова о взыскании заработанных мужем 363 кг ржи.

Народный суд Шелтозерского района решением от 30 декабря 1944 г. в иске Шиловой отказал по мотивам отсутствия в колхозе хлеба. Судебная Коллегия Верховного суда КФССР определением от 12 января 1945 г. решение народного суда оставила в силе, указав в определении, что истица имеет право обратиться в районную комиссию по учету ущерба, нанесенного финскими оккупантами.

По протесту Прокурора СССР Судебная Коллегия признала, что решение народного суда и определение Верховного суда КФССР подлежат отмене по следующим основаниям.

Требованием за № 21, выданным Шелтозерским МТС 23 сентября 1941 г., подтверждается, что колхоз им. Ворошилова обязан уплатить Шиловой за трудодни, заработанные ее мужем в колхозе в количестве 363 кг ржи. Отсутствие в настоящее время ржи в колхозе не может служить основанием для отказа в иске, так как рожь может быть выдана из урожая 1945 г.

Ссылка Судебной Коллегии Верховного суда КФССР на то, что Шилова за получением 363 кг. ржи может обратиться в районную комиссию по учету ущерба, нанесенного оккупантами, является неосновательной. Из материалов дела видно, что колхозу действительно был нанесен ущерб финскими оккупантами, но только на одном этом основании колхоз не может быть освобожден от своих обязательств по трудодням.

На основании изложенного Судебная Коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 17 марта 1945 г. определила: Решение народного суда Шелтозерского района КФССР от 30 декабря 1944 г. и определение СК Верховного суда КФССР от 12 января 1945 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в другом составе с участием прокурора.